

В ЭТО ТРУДНО было поверить. Хотя о гастролях было известно почти за год. Но в наше слишком уж беспокойное и переменчивое время в чем можно быть уверенным?... И все же он приехал. В последние дни перед визитом Мстислава Леопольдовича Ростроповича стало известно, что приедет и его жена — знаменитая оперная певица Галина Павловна Вишневская. Ранее актриса собиралась отправиться в Париж, ведь ей (как, впрочем, и ее мужу) не было возвращено гражданство. Лишь во второй половине января «справедливость» была восстановлена. Но это, так сказать, «официальная» сторона дела. По существу же, оба музыканта всегда оставались гражданами своей страны. Они любили ее той глубокой, страстной и деятельной лю-

Вереница машин, растянувшаяся по Ленинградскому шоссе, предводительствуемая милицейским «Мерседесом», — словно правительственная процессия. А быть может, это нечто большее?

РОСТРОПОВИЧ, сняв шапку, целует подаренную ему армянами икону. Там, на Западе, он дал шесть благотворительных концертов, принесших в фонд помощи Армении полмиллиона долларов. Об одном из таких концертов, состоявшемся в Вашингтоне, газета «Вашингтон таймс» писала: «Если на небесах есть музыка, она должна звучать именно так...». «Нас словно ввели в пещеру волшебника, и нам казалось, что музыка наполняет весь мир и все существо ис-

приемом в квартире Ростроповича и Вишневской, где все эти годы жила сестра Мстислава Леопольдовича — Вероника. Давно же здесь не было хозяев! А теперь еще и пятьдесят гостей собралось...

В центре второго дня — пресс-конференция Ростроповича на Зубовском. Среди множества самых разнообразных вопросов спрашивают и о Солженицыне. Ответ Маэстро: «Солженицыну должно быть возвращено советское гражданство». Ныне они видятся редко — великий музыкант и великий писатель. Один из них до сих пор изгнанник.

Третий день начался с репетиции. Спустился 16 лет Мстислав Ростропович вновь вышел на сцену, где прошли его первые

фония как бы утратила целостность и звучала отдельными фрагментами. В отношении же Пятой симфонии Шостаковича публика была удивительно единодушна. Здесь взаимопонимание между оркестром и дирижером, взаимодействие между ними достигло абсолютной величины. Ростропович будто вобрал весь оркестр в себя, а сам в свою очередь растворился в нем.

«Я никогда не дирижирую инструментами. Я дирижирую людьми, играющими на инструментах», — говорит дирижер. Знать каждого музыканта, понимать, что он может дать, — титанический духовный и душевный труд! Стремительная походка, развевающиеся полы длинного фрака, палочка, искромётно взлетающая вверх, ...отдание себя и служение.

— опера «Война и мир» С. Прокофьева с Вишневской и Геддой. Менухина встречаем уже на юбилейном гала-концерте в честь 60-летия Ростроповича в Вашингтоне. Тогда дирижерскую палочку у музыканта взяла на несколько минут Нэнси Рейган, чтобы продирижировать приветственной поздравительной песней, которую пели и музыканты, и хористы, и публика в огромном зале Кеннеди-центра. А церемониймейстером был прославленный Грегори Пек. Эти юбилейные вечера продолжались в Нью-Йорке и Лондоне, Бостоне и Париже. Только на Родине была «тишь да гладь». Молчала пресса и позднее, когда Ростропович впервые исполнил «Антиформалистический раек Шостаковича» — произведение о трагическом для композитора времени не-прекращавшейся травли.

Кстати, в те далекие годы, во второй половине 40-х, Ростропович и сам занимался композицией, написал два фортепианных концерта, квартет, несколько пьес для фортепиано и маленькую трехминутную юмореску для виолончели. Тогда он жил в коммуналке. Ныне его парижская квартира напоминает музей, здесь много спасенных сокровищ, которые не уйдут бог весть куда, не канут в пустоту, как канули бесчисленные шедевры, вывезенные из нашей страны небезызвестным «меценатом». Как большинство русских эмигрантов, Ростропович и Вишневская на Западе оставались русскими, хотя и встретили самое теплое и самое дружеское расположение со стороны своих иностранных друзей. В одном интервью Галина Вишневская говорила: «Горжусь тем, что принадлежу к великому русскому народу, с этим чувством жила, с этим чувством и буду жить». Программа концертов Ростроповича ведь тоже включала в основном русский репертуар. Музыкант дирижировал и Пятой симфонией Прокофьева, а «на бис» исполнил фрагмент из балета «Ромео и Джульетта». Желая представить все же московской публике и свой западный репертуар, Ростропович исполнил миниатюру американского композитора Д. Гершвина, фрагмент из музыки норвежского композитора Э. Грига к «Пер Гюнту» и, наконец, браваурный американский марш «Звездные полосы навсегда». Особенно же надо отметить поразительно виртуозное, исполненное тончайших и нежнейших переходов «Вечное движение» Н. Паганини. Казалось, что скрипки (а это небольшое произведение исполняется почти исключительно скрипками) исчезли, остался лишь неземного характера звук, наполненный магической красотой и исключительной силой.

ЧЕТВЕРТЫЙ день в Москве — день второго концерта Ростроповича — завершился. Музыкант нашел все же время и силы встретиться с публикой в маленькой артистической за сценой. Стремительно подписывает он красочные проспекты. И столь же стремительно (такая уж привычка — многое надо успеть) скрывается в темном «царственном» автомобиле, стоящем у запасного входа. На следующий день очередной прием — у американского посла в Спас-хаузе, где остановились Ростропович и Вишневская. А в полночь они покинули Москву, чтобы встретиться с не менее восторженной и не менее благодарной ленинградской публикой. Кто знает, когда вернутся... Хотя в интервью «Известиям» Мстислав Леопольдович обещал найти время, чтобы возвратиться к себе домой. Ведь, кроме квартиры-музея в Париже, кроме жилища в Вашингтоне и виллы в Лозанне, где кругом миллионеры и знаменитости, у них есть еще скромная, по «западным» меркам, квартира в Москве, где рядом древний храм Воскресения Славущего, где рукой подать до консерватории... Вернется ли?

«Когда я приеду в Москву, я отдам свою душу...» — сказал Ростропович в преддверии встречи с соотечественниками. Готовы ли мы к столь щедрому дару? Достойны ли его?

Александр ШУНДРИН.

Мстислав РОСТРОПОВИЧ:

в Москву, я отдам свою душу»

бовью, которая свойственна ныне, увя, лишь редким русским интеллигентам. Эта подлинная, независимая любовь к отечеству своему сочетается обычно и с основополагающим чувством внутренней духовной независимости, столь раздражавшем «власть предержащих», тех, кто, по выражению Ростроповича, «идиотским росчерком пера» решал его, а также А. Сахарова, А. Солженицына, Д. Шостаковича судьбы. Хочется называть эти имена и вглядываться в эти лица, далекие от внешней красоты «звезд» света, но столь красивые внутренним благородством. Поверьте, они вселяют какую-то уверенность в наши испуганные души, они заставляют нас распрямиться. И ведь какое поразительное «судеб скрещение»! Когда-то, тому уже более двадцати лет, все эти люди жили рядом. Им было очень трудно. Они видели поддержку лишь друг в друге. И они доверяли друг другу... Двоих из них уж нет... «Я увижу только кресты на могилах моих друзей», — говорил Ростропович в своем предгастрольном интервью. В этих словах маэстро слышится и справедливый укор, и глубокая горечь. И сразу же по прибытии в Москву, после фантастически бурной встречи в аэропорту, после бесконечных объятий и поцелуев, после восторженных восклицаний поклонников, Ростропович и Вишневская отправляются на Новодевичье кладбище поклониться Шостаковичу. Лишь единственный раз знаменитый композитор встал за дирижерский пульт — когда играл Ростропович. Ему Шостакович посвящал и два концерта для виолончели с оркестром. Их совместное выступление состоялось в Горьком в 1962 году. А спустя 11 лет Ростропович и Вишневская покинут Россию, отправляясь в длительное турне, в вынужденное изгнание. А в 74-м году навсегда уйдет Шостакович. И вот теперь — эта встреча. На могилу друга — букет цветов... Спустя два дня еще один — Сахарову...

Их возвращение было триумфальным. Они прилетели из Токио самолетом французской авиакомпании «Эр франс». Первая процедура — вручение паспортов. Эту миссию взял на себя Н. Губенко. Он же прокладывал дорогу прибывшим сквозь мощный заслон встречающих. В руках — лозунги: «Гале и Славе — слава!», «Слава Ростроповичу! и спасибо за Солженицына!». И, конечно, море цветов. Путь из здания аэропорта до автомобиля оказывается не таким близким. А у самого «ЗИЛА» Ростроповича приветствует его друг...

полнителя. Музыкант становился самой музыкой, и нам, слушателям, было позволено при этом присутствовать.

Слушая Ростроповича, невозможно не проникнуться его даром преображения окружающего мира (воистину волшебным даром), к которому чувствуешь себя духовно и нравственно неготовым. И это чувство с невероятной силой дает ощутить также и тяжелое, болезненное состояние окружающего мира. Сейчас это особенно важно, ибо культура (от слова культ, служение) как бы отошла на второй план, уступив место убийственному, подменившему ее (что чрезвычайно опасно) уничтожающему суррогату, превращающему все в некую злую пародию, в кривое зеркало, в котором религия добра меняется на религию зла, а служение — на разрушение.

Кажется, что Ростропович все время во власти этих тяжелых, «проклятых» вопросов. И еще, он как бы стремится открыть в человеке его «альтер эго», проникнуть в самые сокровенные глубины человеческого существа, открыть нравственные законы, по которым, сам того не ведая, живет человек.

Первый московский день завершался

юношеские концерты. И было так хорошо заметно, что у музыканта сегодня праздник. Он репетировал недолго, чуть больше часа. Но этого было достаточно, чтобы прояснить и отшлифовать до исключительного блеска несколько моментов будущей программы. До концерта в Большом зале Консерватории оставалось восемь часов.

«АДАЖИО для струнных» Барбера требует от дирижера тонкого романтического настроения. Барбер — композитор XX века, однако многие его произведения напоминают создания прошлых веков. Для современного дирижера требуется серьезное перевоплощение, в особенности если музыкант настроен на «реалистическую» манеру. Ростроповичу это подвластно. Остается лишь сожалеть, что «Адажио» Барбера так миниатюрно.

Покидая родину в 1973 году, Ростропович прощался с ней, исполняя Шестую симфонию Чайковского. Теперь он играл ее вновь. Играл так своеобразно, что некоторые слушатели с большой долей критики говорили о трактовке Ростроповича. Некоторые плалаги, что сим-

В СВОЙ ТРЕТИЙ и в свой четвертый день в Москве Ростропович и Вишневская на кладбищах у своих близких. «Только кресты на могилах...».

Неведомо, сколько уж лет консерватория не видела такого многоцветья нарядов. А чтоб в зале было сразу несколько королей — королева Испании София и «король» «Оксидентал оф петролеум корпорейшн» Арманд Хаммер, — такого, может быть, и вовсе не бывало. Королю виолончели удалось собрать всех. И божественной игрой своей унять все звуки в зале, все шорохи и скрипы. Хочется говорить и говорить эпитеты, восхищаться и восхищаться. Останавливает лишь то, что, наконец, знаешь, сколько бы ни говорил, того, что чувствует сердце, все равно не передашь. Но об одном умолчать нельзя. О том, что слышал совершенство. Журнал «Нью-Йорк таймс мэгэзин» некогда писал: «Он принадлежит к редкой категории исполнителей, которые, выходя за пределы своего искусства, могут изменить наш взгляд на жизнь». Да, музыка Ростроповича несет очищение. И в этом главную роль играет уже не выдающийся талант музыканта, а не менее важный талант быть человеком, не тем, который непременно с большой буквы, и не тем, который, по непонятным причинам должен звучать гордо, а тем, который человекен. Ростропович дает в год до двадцати бесплатных концертов! Эти концерты, по словам Галины Вишневской, «в пользу больных, в пользу детей, стариков, в защиту животных». Чувство подлинного русского интеллигента — порождает совершенно особенной — однозначно диктовало и диктует Ростроповичу, как нужно поступить в той или иной ситуации. Можно пожертвовать карьерой, но недопустимо — совестью, покинуть родную землю, но не предать дружбу. И потому в страшном 70-м году Мстислав Леопольдович пишет знаменитое письмо Брежневу и потому в те же сумрачные годы приглашает к себе жить Солженицына. Иначе он поступить просто не мог, не умел. Будучи в изгнании, он дает концерты в поддержку борцов за права человека, в поддержку заключенных политических узников. И, к счастью, он не одинок. Его поддерживает Иегуди Менухин — всемирно известный скрипач, Николай Гедда — прославленный на всю планету тенор. И тот, и другой имеют русские корни. Тому и другому «досталось» в известные годы от наших «острословов» и лжепатриотов. «Услышишь суд глупца...». Музыканты слышали этот суд, но не прислушивались к нему. Им нравилось прислушиваться друг к другу, вместе работать, совместно созидать.

Одна из недавних записей Ростроповича